

Человек идуший

На этом месте и под этой рубрикой – как это не вяжется с той ролью, какую Анатолий Борисович Гребнев играл в жизни нашей газеты. Начиная с далекого 90-го года прошлого века, когда мы только родились, и далее везде, без остановок и пропусков. Он был автором “ЭС”, выступая во всех жанрах. От маленькой информации, когда надо было кого-то поддержать и вовремя заметить. От “капустнических” заметок сделанных для домашнего потребления в компьютерных выпусках “ЭС”. И до драгоценнейших для издания публикаций, когда он подарил нам самые трепетные отрывки из своих “Записок последнего сценариста”. Он был почти что штатным сотрудником, незаменимым советчиком в сложных ситуациях и подлинным другом, с нежностью и любовью относившимся к более молодым коллегам.

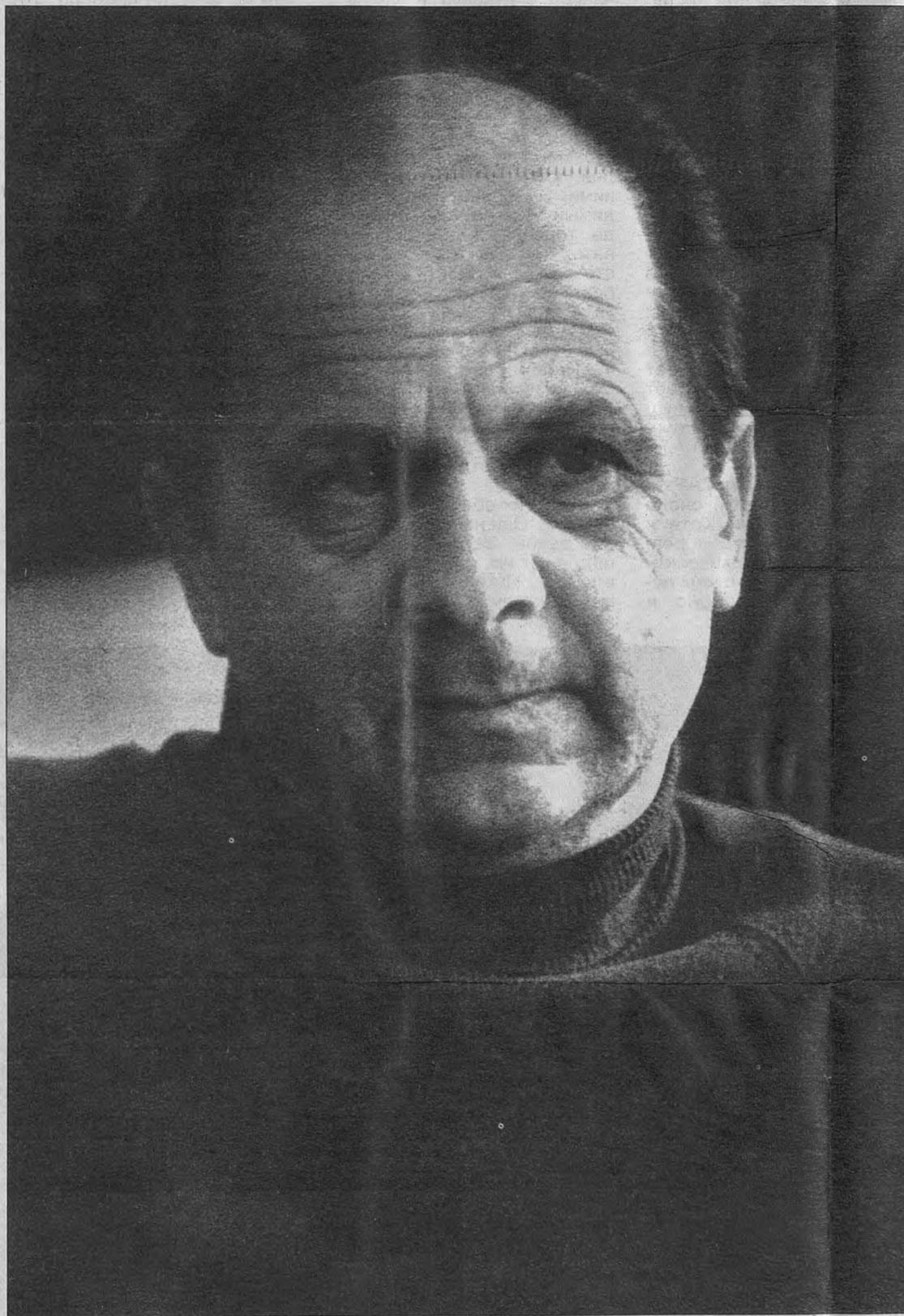
Впрочем, так о нем могут сказать все, кто с ним сталкивался в жизни. Человек с изначальным ощущением порядочности и совестливости, естественным для него как дыхание. Неуступчивый и твердый в главном. Открыто смотрящий в глаза. И в то же время какой-то беззащитный и по-детски ранимый, несмотря на всю свою легкость и ироничность в общении.

Он никогда не возносил себя на пьедестал и не ощущал классиком, хотя классиком, безусловно, был, и это особенно понимаешь с его уходом. Ушел из жизни – это привычное печальное словосочетание, стертая от бесконечного употребления метафора наполняются по отношению к Гребневу прямым смыслом. Нелепым, невозвратно свершившимся, так и не укладываемым в сознании. Он действительно ушел, сделав непоправимый шаг, которого от него никто не ждал, и его сбила машина. Рок, судьба – что тут другое скажешь.

Когда-то Виктор Шкловский, которого Анатолий Борисович читал и за тонкое понимание сценарного дела и за парадоксальность мышления, на своем вечере в ЦДЛ, отвечая на приветствия в честь восьмидесятилетия, завершил свою речь примерно таким личным воспоминанием о Маяковском. У того тоже был творческий вечер, и после грандиозного приема публикой Маяковский сказал: “Даже если я сейчас попаду под трамвай, я все равно останусь счастливым”. Этими словами, в приложении к себе, и закончил свою речь Виктор Борисович.

Тоже метафора. Емкая, но не страшная. Жизнь, заменившая поэтический троп на пистолетный выстрел, страшнее. Наверно, символический трамвай лучше прозаической пули.

Анатолий Гребнев не дождал до восьмидесятилетия год с небольшим. А сил жить было много, ибо по натуре Гребнев был оптимистом. И не фаталистом. Сколько ни вспоминал его фильмы и кни-

ги, не нашел ни одной аналогии и ни одного трагического предчувствия. Как бы ни складывалась жизнь его персонажей, он оставлял им право на ее продолжение. И сам был человеком идущим. Хоть он и был автомобилистом с огромным стажем и даже на

предпоследней “Нике” получил в качестве приза новый автомобиль, он в моем представлении остался пешеходом. Скромным незаметным человеком из бесконечного людского потока, слившимся с ним, но умеющим в этой толпе разглядеть то, что не-

доступно взору равнодушных.

Его кинематограф по-настоящему авторский, какие бы разные режиссеры ни воплощали на экране придуманное Гребневым. Стоит напомнить: “Ждите писем”, “Дневник директора школы,

“Утренний обход”, “Июльский дождь”, “Старые стены”, “Успех”, “Прохиндиада” – господа, сколько же еще можно назвать фильмов, созданных по сценариям Анатолия Борисовича. И их продолжающаяся телевизионная жизнь – не в интриге, не в лихо закрученном сюжете, даже не в реалиях ушедшей эпохи, а в совершенно особой ауре существования персонажей. Ну, перескажите сюжет “Июльского дождя”! Встретились, поговорили, разошлись, а что осталось, кроме потоков, низвергающихся с неба? Осталась великая тайна искусства, особенно, кинематографа, когда о времени больше говорят не декларации, а летучие разговоры ни о чем и обо всем, когда молчание многозначнее слов, когда тайный заговор (пушкинское!) людей, пытающихся разобраться в себе и окружающей действительности, становится фактом общественного звучания и значения.

Сейчас меняются все представления о правде и смысле искусства. Сам Гребнев много об этом написал в “Записках последнего сценариста”. С точнейшим ощущением смены эпох, идеологии, с пониманием времен ушедших и наступивших сейчас. Живший в условиях несвободы, он был свободен всегда. Вот строчка из его книги: “Ведь, в сущности, те из нас, кто хотел, делали то, что хотели”. Фраза ключевая по отношению к его творчеству. Несмотря на все нелепые и даже идиотические замечания и поправки чиновников от кино, люди масштаба Гребнева отстояли настоящий кинематограф. Не “бывший советский” (что так же нелепо, как “бывшая античность”), но кинематограф, противостоящий пошлости и унижению человека. Этого человека, владеющего тайной свободой быть самим собой вопреки всем обстоятельствам, Анатолий Гребнев защищал во всех своих фильмах. Потому что сам был таким. Самой главной крамолой в советские времена оказывалась честность. Но известие ее, благодаря таким художникам, как Гребнев, не удалось даже сильным мира сего.

Еще одна фраза из его “Записок”: “О сценарии говорят в прошедшем времени, как о покойнике: был...”. Увы, сегодня так мы говорим о самом Анатолии Борисовиче. Но глаголу прошедшего времени придадим другое измерение. Какое счастье для кино, что в нем четыре с лишним десятилетия был Анатолий Гребнев. И не только был, но и остался трудами своими. Это с особенной остротой ощущаешь сейчас, с болью понимая, что больше никогда не услышишь его чуть картавый, покашливающий говорок, но осознавая и другое: художники такого масштаба не уходят навсегда. Они необходимы для будущего – пусть и в отраженном свете. Лента кино продолжает крутиться. И без Гребнева она всегда будет неполной.